

— Ты приехал из города, ты видел большой мир в Цзо, который они, возможно, никогда не увидят. Поэтому не будь невежливым или слишком строгим к этим людям. Если кто-то старше тебя, называй его «братом», а если дети называют тебя как-то, просто принимай это.

Он остановился, и Чжао Сюньюэ тоже остановился. Чэн Синьюань смотрел на него, с лёгким намёком на пьяную наглость в голосе:

— Кроме того, ты старше этих близнецов на двадцать с лишним лет, так что называть тебя «дядей» разве не правильно? А, скажи!

Сегодняшнее состояние Чэн Синьюаня было другим. Он не был таким агрессивным, как обычно, скорее, он вёл себя как с близким другом... капризничал? Чжао Сюньюэ был уверен, что его выражение лица и тон действительно были такими, и он не сразу смог привыкнуть, медленно кивнув. Чэн Синьюань был прав в своих словах, и Чжао Сюньюэ подумал: «Дядя так дядя», даже если это разочаровывает, но это его последний бастион.

Увидев, что Чжао Сюньюэ кивнул, Чэн Синьюань удовлетворённо сказал:

— Хех, сегодня я выпил, иначе я бы не стал так долго тебя поучать, а просто бы наорал на тебя, понимаешь?

Чжао Сюньюэ подумал: «О, так это сегодняшняя особая мягкость Чэн Синьюаня?»

— Слышал? Я тебя спрашиваю! — снова спросил Чэн Синьюань.

— Ну...

— Ну что?

«Ну, этот человек действительно очень контрастный», — подумал Чжао Сюньюэ.

Он не был близок с Чэн Синьюанем, раньше он считал, что этот капитан любит доминировать в разговорах и ругаться без конца, но за это время он смог заметить его тонкие мысли. Видимо, Чэн Синьюань не позволил ему отвезти Бу Аньци, чтобы он не нагрубил другим, а также чтобы поговорить с ним наедине.

Пьяный Чэн Синьюань действительно стал более сговорчивым, по крайней мере, его искренний тон был естественным и приятным. Как в тот день у ворот полицейского участка, когда он втянул Чжао Сюньюэ во двор и сказал: «С сегодняшнего дня я тебя веду» — в такие моменты Чэн Синьюань был доброжелательным и не агрессивным, и только в такие моменты Чжао Сюньюэ был готов провести с ним больше времени.

— Эй, эй, эй! Ты что сказал? Ну что там?

Чэн Синьюань с раздражением щёлкнул пальцами перед его лицом:

— Ты что, с ума сошёл?

В тот день у ворот полицейского участка было то же самое. Как только Чэн Синьюань проявлял хоть каплю доброты, это всегда сопровождалось каплей провокации. В тот день он тряс перед лицом Чжао Сюньюэ объяснительной запиской, а сейчас он без остановки щёлкал пальцами. Звук щелчков раздражал, и Чжао Сюньюэ поднял руку, схватив беспокойную руку Чэн Синьюаня.

В тот день Чжао Сюньюэ хотел вырвать объяснительную записку. Он всё ещё был стажёром полицейской академии и внешне не мог противостоять капитану полиции. Только когда Чэн Синьюань проявлял слабость или опускал свой авторитет, чтобы заговорить с ним, Чжао Сюньюэ был готов провести с ним больше времени или немного подразнить.

Поэтому он сказал ему:

— Тогда сегодня, можно называть тебя Сяо Чэн?

Луна была тусклой, облака плыли по небу, и Чжао Сюньюэ держал руку Чэн Синьюаня. Тот на мгновение замер, не сразу вырвав руку, и рука Чэн Синьюаня была тёплой, вероятно, из-за алкоголя. Они стояли, глядя друг на друга, и Чжао Сюньюэ вдруг почувствовал, будто с неба опустились невидимые прозрачные облака, окружив его и Чэн Синьюаня.

Чжао Сюньюэ вспомнил, как Чэн Синьюань сказал, что если он снова назовёт его «Сяо Чэн», то оставит его здесь для помощи бедным, и как Ма Цюаньцюань сказал, что он, возможно, останется здесь и женится на местной. У Чжао Сюньюэ была юношеская упрямость и задор, а также юношеская простота и игривость, и он действительно хотел назвать Чэн Синьюаня «Сяо Чэн» прямо в лицо.

А Чэн Синьюань не реагировал, и Чжао Сюньюэ подумал, что он пьян или устал. Тусклый свет луны действительно напоминал дым, создавая ощущение сновидения, текущего по улицам и сдавливающего глаза и сердце. Чжао Сюньюэ чувствовал себя неловко и очень хотел воспользоваться моментом, чтобы подразнить, поэтому он, не задумываясь, решил: остаться так остаться, помогать бедным так помогать, жениться на местной так жениться.

Он, не сдерживаясь, посмотрел прямо в глаза Чэн Синьюаню и выпалил:

— Сяо Чэн.

Сказав это, он увидел, как Чэн Синьюань резко отдернул руку. Чжао Сюньюэ подумал, что тот разозлился, но вместо этого Чэн Синьюань громко рассмеялся:

— Ха-ха-ха... Пошёл вон, называй меня братом.

«Он не разозлился, и это было хорошо, но даже если он не разозлился, я не буду называть его братом», — подумал Чжао Сюньюэ, но не сказал вслух.

— Называй!

Чжао Сюньюэ не стал называть и шагнул вперёд:

— Пойдём уже, скоро дойдём до гостиницы.

Чэн Синьюань последовал за ним:

— Эй, почему ты не называешь?

Чжао Сюньюэ не обращал на него внимания, а Чэн Синьюань с ноткой наглости сказал:

— Почему ты любишь называть меня «Сяо Чэн»? Хех, сам знаешь.

— А?

Чжао Сюньюэ повернулся к нему, а Чэн Синьюань с выражением «ну давай, спроси, что я знаю» смотрел на него.

«Эх, ладно, пусть знает», — подумал Чжао Сюньюэ. Он не поддался на его провокацию и продолжил идти вперёд. Он и сам знал, что называл его «Сяо Чэн» из-за симпатии, любопытства, непонимания, почему Чэн Синьюань испытывает к нему странную враждебность, желания привлечь его внимание, из упрямства и вызова.

Он шёл слишком быстро, постепенно оставляя Чэн Синьюаня позади, и услышал, как тот с лёгкой пьяной леню в голосе сказал:

— Хм, Чжао Сюньюэ, ты, наглый малыш...

В ту ночь, вернувшись в гостиницу, Чжао Сюньюэ быстро лёг спать, поэтому он даже не знал, когда вернулся Ма Цюаньцюань. На следующее утро Бу Аньци пришёл за ними, и они вчетвером отправились раздавать вещи малоимущим, официально начав работу на местах.

Чжао Сюньюэ всегда жил в большом городе, и уезд Линьчэнь уже был для него отсталым местом, но волость Магоу превзошла все его ожидания. Большинство жителей здесь были крестьянами, условия здравоохранения были очень плохими, в волости была только одна начальная школа и одна средняя школа, а годовой доход каждого крестьянина не превышал 10 000 юаней. Обратите внимание, это годовой доход, а не месячный. Если урожай был хорошим, крестьяне могли прокормиться, но если урожай был плохим, например, из-за дождей, снега или других стихийных бедствий, таких как землетрясения или оползни, то продукты и вещи приходилось доставлять сюда извне.

Гостиница, в которой накануне остановился пограничный отряд, была лучшим местом в волости. Сегодня, начав работу с посещения домов, Чжао Сюньюэ увидел жилища и условия жизни местных жителей, и весь день он хмурился, мало разговаривая.

Вечером, закончив работу и вернувшись в гостиницу, Чэн Синьюань пригласил Бу Аньци на ужин, и они вчетвером снова пошли в тот же маленький ресторан. Чэн Синьюань и Бу Аньци болтали, чтобы развлечься, Ма Цюаньцюань серьёзно ел, а Чжао Сюньюэ предложил выпить пива.

Чэн Синьюань сегодня не хотел пить, но решил, что немного алкоголя не повредит, и попросил официанта принести две бутылки пива. Он открыл одну и налил себе и Бу Аньци, иногда делая глотки, а другую бутылку отдал Чжао Сюньюэ.

Сначала Чэн Синьюань не придавал этому значения, мужчины, выходя из дома, иногда выпивают, но Чжао Сюньюэ быстро опустошил бутылку и попросил ещё.

Чэн Синьюань, как руководитель группы, был ответственен за него, и сказал:

— Зачем ты так много пьёшь? Ты справишься? Завтра ещё работать.

Чжао Сюньюэ сразу возразил:

— Я хорошо справляюсь с алкоголем.

— Цы.

Чэн Синьюань был слегка раздражён, и его вопрос о выпивке был не из-за заботы, а скорее

косвенной командой прекратить пить. Бу Аньци понял его намёк и попытался уговорить Чжао Сюньюэ:

— Парень, что с тобой? Я вижу, ты сегодня выглядишь подавленным.

Ма Цюаньцюань вставил:

— Сюньюэ всё время говорил мне, что никак не может понять, почему до сих пор есть люди, живущие так бедно.

Бу Аньци и Чэн Синьюань замолчали, официант принёс новую бутылку, и Чжао Сюньюэ открыл её и начал пить прямо из горлышка. Бу Аньци хотел остановить его, но Чэн Синьюань сказал:

— Ладно, пусть пьёт.

Чжао Сюньюэ не так хорошо справлялся с алкоголем, как утверждал, и после двух бутылок у него покраснели уши и шея. После ужина Чэн Синьюань расплатился, проводил брата Бу, и они втроем пошли обратно в гостиницу. У входа Чжао Сюньюэ сказал:

— Вы поднимайтесь, я ещё прогуляюсь, подышу воздухом.

Ма Цюаньцюань, будучи добрым, предложил:

— Может, я пойду с тобой?

— Нет, поднимайтесь.

Чжао Сюньюэ ушёл, а Ма Цюаньцюань смущённо посмотрел на капитана. Чэн Синьюань сказал:

— Что смотришь? Он взрослый, разве он потеряется?

Чэн Синьюань шагнул в гостиницу, а Ма Цюаньцюань поспешил за ним:

— Сюньюэ сегодня в плохом настроении, ещё и выпил, я боюсь...

<http://bllate.org/book/16930/1559125>